

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ САМАРСКОГО КРАЯ

УДК 94(47).081

Л.М. Артамонова*

ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА В САМАРЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье на основании архивных и опубликованных источников рассматривается появление общеобразовательной средней женской школы в Самаре в начале правления Александра II. Особое внимание уделено социальным аспектам ее создания. Для Самары важное значение имело получение городом губернского статуса в 1851 г., поскольку губернатор К.К. Грот был активным поборником создания учебных заведений для девочек. Совместные действия власти и общественности в вопросах женского образования содействовали модернизационным процессам в российской провинции.

Ключевые слова: Россия в XIX в.; история Среднего Поволжья; гендерная история; женские школы; общественная жизнь.

Сильный импульс социальной и культурной жизни Самары в предреформенную эпоху придали ее быстрое хозяйственное, демографическое развитие и получение ею в 1851 г. статуса губернского центра [18]. В городе появились такие средства удовлетворения общественных запросов, как типографии, библиотеки, периодическая печать, книгоиздание [9].

Все эти изменения сопровождались «трансформацией картины мира горожанина, включением в нее новых ценностей и смыслов модернизированной культуры» [4, с. 280]. Перемены коснулись

* © Артамонова Людмила Михайловна (artamonovoi@mail.ru), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, Самарский государственный институт культуры.

и народного образования, в том числе женского. Успехи в его развитии были достигнуты во многом при поддержке К.К. Грота, являвшегося начальником губернии с мая 1853 по апрель 1860 г. [17, с. 248], и его сотрудников, в числе которых был вице-губернатор Г.С. Аксаков, выходец из известной семьи деятелей русской культуры [8, с. 409, 413].

Ценные материалы по поднятой здесь теме содержат документы Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан. Опубликованные источники представлены местной прессой и другими свидетельствами современников, прежде всего П.В. Алабина.

Первоначально школы в Самаре и других городах новой губернии были представлены уездными и приходскими училищами, рассчитанными преимущественно на обучение мальчиков. Тем не менее просвещенные представители общественности и сам губернатор старались привлечь в эти учебные заведения и девочек. В 1855 г. в Самарской губернии среди 1012 учеников городских начальных школ был 991 мальчик и 21 девочка [6, с. 265]. Последние составляли всего 2% от общего числа учащихся. Девочек не принимали вовсе в среднее учебное заведение – губернскую гимназию, открытую в 1856 г. [2, с. 246].

Совместное обучение детей обоих полов в то время не могло получить успешного развития. Более привычным и надежным представлялось раздельное обучение. Основным направлением развития образования женщин стало устройство отдельных школ для девочек.

Общественные женские школы начального уровня появились в Самаре в 1858-1859 гг. Первое приходское училище для девочек было открыто 2 сентября 1858 г. Большая заслуга в его создании принадлежит городскому голове В.Е. Бурееву, отдававшему немало сил и средств на нужды общества [19, с. 278].

Училище финансировалось из городских доходов, что делало обучение для учениц бесплатным. При открытии в него поступило 10 девочек, но уже на следующий год их количество увеличилось до 44: 12 дочерей дворян и чиновников, 29 – купцов и мещан, 3 – разночинцев и крестьян. Спустя год, 15 августа 1859 г., в Самаре было открыто второе женское приходское училище. Оно находилось в другой части города, что позволило расширить охват девочек начальным образованием. В первый год в него было принято 72 ученицы. В каждом училище работали надзирательница, учи-

тель, обучавший чтению, письму и четырем правилам арифметики, и «законоучитель»-священник, преподававший закон Божий. Девочек обучали также рукоделию [1, с. 67].

Одновременно с Самарой стали открываться женские училища в других городах губернии. Не все в этом деле шло гладко. Губернатор мог излишне жестко поступить с теми, кто, по его мнению, пренебрегал развитием женского образования. Об этом, например, свидетельствует скоропалительное увольнение со службы Г.Н. Потанина, который учительствовал в женском приходском училище Бугульмы, но вызвал жалобы влиятельных родителей отдельных учениц, после чего был вынужден уехать в Петербург, где стал одним из авторов журнала «Современник» [16, с. 150].

В конце 1850-х гг. в Самаре встал вопрос об организации средней общеобразовательной школы для девочек. Дело было в том, что удовлетворить потребности в хорошем образовании для дочерей дворян, чиновников, состоятельных горожан и просто тех жителей, кто готов был отдать последнее за обучение дочек, частные учебные заведения или домашние учителя не могли. В уездной Самаре женские пансионы, по свидетельству современников, были малоуспешными, так и не став постоянно действующими [1, с. 60].

Первую серьезную попытку открыть частную школу для девочек уже в губернской Самаре предприняла Вильгельмина Визенталь, урожденная Якобсон, 36-летняя дочь рижского купца, лютеранка по вероисповеданию. Она прошла обучение в Петербургском главном немецком училище [12, л. 437об.-438]. Это было одно из немногих средних учебных заведений в России первой половины XIX в., где практиковалось совместное обучение детей обоего пола, причем девочки могли не только получить общее образование, но и бесплатно обучиться какой-либо профессии [5, с. 22]. Визенталь получила официальное свидетельство на право вести частное обучение от попечителя Московского учебного округа и открыла свое заведение в Самаре 22 декабря 1855 г. [12, л. 411об.-412]. Учительскую должность в нем занял ее муж Карл Визенталь, 45-летний иностранный подданный, уроженец Гамбурга, также лютеранин, получивший образование у частных лиц, но имевший свидетельство на право преподавания от Московской Первой губернской гимназии [12, л. 436об.-437]. Однако заведение г-жи Визенталь просуществовало недолго. В первый год его существования здесь было 11 учениц, на второй год — 16, на третий — 15, а на четвертый год оно уже было закрыто [1, с. 99].

28 мая 1858 г. в Самаре открылся пансион Нины-Аннетты Фланден, урожденной Нейде, которую в русском обиходе обычно называли Ниной Петровной. Она была родом из Петербурга, где получила свидетельство на звание домашней учительницы французского и английского языков. В ее пансион сначала поступили 10 девочек [14, л. 1, 14об.].

Постепенно число воспитанниц превысило два десятка. Они делились на полных пансионеров, которые жили в учебном заведении, полупансионеров, которые завтракали и обедали в пансионе, и приходящих учениц («экстернов»), которые посещали только уроки. Предполагался пятилетний курс обучения.

На этот пансион, его образованную и деловую начальницу губернатор возлагал серьезные надежды, симпатизируя землячке — уроженке Петербурга, соплеменнице-немке, единовенной лютеранке [3, с. 20]. Не случайно на открытии ее пансиона присутствовали как светские губернские и городские власти, так и возглавлявший тогда Самарскую епархию православной церкви архиерей Феофил [20, с. 305-306].

Однако немаловажным недостатком заведения г-жи Фланден была высокая плата за обучение. За пансионерку приходилось платить в год 210 руб., за полупансионерку — 150 руб., за приходящую ученицу — 75 руб. Дополнительная плата взималась за уроки английского языка, а также с полупансионеров и приходящих учениц — за занятия музыкой [1, с. 91, 99].

Помочь в обучении дочерей тех жителей, которые стремились дать детям образование выше начального уровня, но не имели средств для его оплаты в подобных частных пансионах, помогли нововведения в законодательстве, совместные усилия местной администрации и общественности. Современные исследователи справедливо полагают: «В период империи именно государство, в особенности верховная власть, являлось главным поборником просвещения и прилагало все возможные усилия для его распространения» [10, с. 81].

Одной из первых реформ Александра II стало создание системы женского образования в масштабах страны. 30 мая 1858 г. было принято «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», в котором предусматривалось открытие общественных средних учебных заведений для девочек. Обучение в них требовало от родителей меньших расходов. При

этом государство не поддерживало создаваемые школы материально, их устройство и содержание возлагалось на местное общество.

Оповещенный заранее о предполагаемых правительством мерах директор самарских училищ А.П. Пономарев уже 25 мая сообщил попечителю Казанского учебного округа: «Учреждение женского учебного заведения в губернском городе Самаре я почитаю необходимою как по многолюдству жителей, так и потому, что ничто так не способствует к общественному образованию, как влияние образованной женщины на общество». Он рассчитывал, «что ни дворянское сословие Самарской губернии, ни городское общество не откажутся помогать в этом отношении, к достижению указанной правительством цели, какими-либо денежными взносами» [13, л. 1 и об.].

Прежде всего, надлежало собрать капитал, на который можно было бы открыть такую женскую школу, а также найти средства на ее содержание. Источники средств были достаточно традиционными, известными и ранее [7, с. 43-44]. Для достижения цели прибегали к добровольным пожертвованиям, к устройству благотворительных литературно-музыкальных вечеров, домашних спектаклей и концертов. Гастролировавших в Самаре артистов и фокусников обязывали давать представления, сбор от которых поступал в пользу будущего училища. На его устройство и содержание в 1858 г. городское общество ассигновало средства из различных городских доходов. Средства готов был отпустить Приказ общественного призрения, ведавший на губернском уровне образованием, здравоохранением и социальными вопросами. Местное дворянство постановило собрать в пользу женского училища одновременно с каждым 1000 десятин помещичьей земли по 4 р. 25 коп. [1, с. 89]

Сбор средств проходил при поддержке губернатора К.К. Грота. Совместные энергичные усилия общественности и администрации привели к необходимым результатам. 25 октября 1858 г. начальник губернии поставил в известность нового директора самарских училищ Э.Х. Ангермана о том, что на «женское училище собрано посредством частных пожертвований и другими способами до 10 тыс. руб. серебром» [13, л. 3].

Исходя из собранных средств, появилась возможность просить о разрешении открыть училище и купить для него здание. По согласованию между Гротом и Ангерманом был приобретен каменный двухэтажный дом полковника Андреева. Чтобы не вводить местное общество и учебное ведомство в расходы по охране дома до начала использования его по назначению, губернатор «поручил

иметь наблюдение» за ним чиновнику губернского правления «и поместил туда временно особого сторожа» [13, л. 3об.].

Ожидалось поступление на средства училища еще 6 тыс. рублей серебром «от разыгрываемой в пользу женских училищ лотереи и пожертвований откупщиков». Эти деньги предполагалось употребить в том числе на внутреннюю отделку дома [13, л. 13].

5 февраля 1859 г. Ангерман представил на утверждение училищному начальству в Казани «Проект положения Губернского училища для девиц в г. Самаре». В нем были закреплены принципы общедоступности и обучения без отрыва от семей: «Училище открыто для всех сословий. Посещающие оное девицы остаются там только в часы учения, прочее же время проводят у родителей и родственников» [13, л. 7].

Параллельно с хлопотами директора училищ по учебному ведомству губернатор, формально не имевший полномочий влиять на дела этого ведомства, заручился поддержкой своего непосредственного руководства в Министерстве внутренних дел, тем более, что оно циркуляром от 26 июля 1858 г. потребовало от начальников губерний позаботиться «об участии городских сословий в устройстве женских училищ» [13, л. 12]. Это давало Гроту возможность разрешить отпуск на женское училище денег из казенных средств Приказа общественного призрения и городских доходов, а не только из добровольных взносов, чтобы в 1859 г. «открыть это учебное заведение никак не позже августа месяца» [13, л. 16].

12 марта 1859 г. управляющий Казанским учебным округом Ф.Ф. Веселаго предложил свой вариант Устава для Самарского училища, считая проект Ангермана не вполне соответствующим «Положению о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения». Высокопоставленный чиновник, правда, милостиво предлагал самарскому директору, «не стесняясь, изменять в нем все то, что... признаете необходимым по местным условиям и средствам» [13, л. 18]. Однако тот возражать непосредственному начальнику не посмел, за него это сделал К.К. Грот. В его прямые обязанности, как было сказано, забота о школьном деле не входила, но самарский губернатор полагал ее своим гражданским долгом.

В письме к Веселаго от 13 апреля Грот подчеркнул, что прежде всего не согласен со стремлением управляющего придать женскому образовательному учреждению «вид казенного училища и подвергнуть оное ближайшему надзору местного учебного начальства». Напротив, он полагал необходимым освободить женское училище

«сколько возможно, от всех формальностей и вмешательства начальства в хозяйственное его управление» [13, л. 19 и об.].

При этом Грот исходил из справедливого посыла, хотя несколько неожиданного для представителя бюрократической элиты империи: «В нашем обширном Отечестве местные потребности, средства и обстоятельства так различны, что, по моему мнению, едва ли возможно постановлять общие правила для учебных заведений разных губерний и разных местностей, особенно, для открытых женских училищ по новости этого учреждения. Позвольте нам [с директором Ангерманом. — Л.А.] устроить это дело на первый раз по мере средств и возможности и сообразно с местными потребностями, а со временем, когда дело воспитания здесь разовьется, можно будет иное отменить, другое дополнить, расширить и улучшить» [13, л. 21].

Возражения самарских руководителей касались разных вопросов. Зачем нужен строгий хозяйственный и финансовый контроль со стороны Министерства народного просвещения за образовательным учреждением, которое не получает от него деньги и материальную помощь? Зачем «определять столь точно в уставе время и часы учению», поскольку «это дело новое и опыт заставит, может быть, впоследствии допустить отступления и изменения»? Зачем нужно строго определять, какого возраста ученицы принимаются в училище, если в городе до сих пор отсутствовало школьное обучение всех лиц женского пола? Таким был далеко не полный перечень спорных мест в Уставе училища [13, л. 20 и об.].

12 мая 1859 г. Веселаго сообщил о согласии с некоторыми доводами и предложениями Грота, полагая, что те были сделаны «на основании известных Вам и господину директору училищ местных обстоятельств и потому будут вполне полезны для училища» [13, л. 23об.]. Согласованный вариант устава Самарского женского училища 1-го разряда был утвержден управляющим учебным округом 13 июня 1859 г. [13, л. 26].

Финансовый вопрос решался следующим образом. Коронная администрация и городское самоуправление выделяли на содержание училища 1750 руб. в год. Из них 700 руб. были казенными деньгами Приказа общественного призрения, 370 руб. выплачивались с разрешения губернской администрации из городских доходов, 680 руб. собирались городским обществом. Доходы от оплаты за обучение зависели о количества учениц, за каждую девочку родители платили по 25 руб. «Плата же за обучение необязательным предметам поступает прямо к начальнице», как и за содержание

девочек, отданных ей на проживание на полном пансионе, по соглашению с родственниками [13, л. 34 и об.].

Само училище открылось 7 августа 1859 г. Полный курс обучения в нем был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам принадлежали закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописанье и рукоделие. К необязательным относились французский и немецкий язык, рисование, музыка, пение, танцы. От платы за обучение обязательным предметам могли освободить бедных девушек из тех сословий, от которых шли взносы на содержание училища, т.е. дворян и горожан. Более того, такие ученицы бесплатно снабжались учебными пособиями. Необязательные предметы преподавались за особую плату, которая устанавливалась по соглашению родителей учениц с начальницею училища. В новое учебное заведение поступили 25 учениц, в т.ч. пансионерки Н. Фланден, по настоянию Грота ставшей первой начальницей этого училища [1, с. 90].

Скоро, однако, начались конфликты начальницы с родителями и общественностью, упрекавшими ее в покровительстве воспитанницам пансиона, во взимании высокой платы за необязательные предметы, в завышенных требованиях к интерьеру помещений и внешнему виду учениц. Сменивший Ангермана в должности директора самарских училищ В.Г. Варенцов заявлял: «Высокая плата за ученье, доведенная г-жею Фланден до 105 руб. серебром с приходящей ученицы, часто мешала родителям отдать детей в училище, которое с тем и было основано, чтобы сделать образование доступным особенно людям небогатым. Внешняя роскошь и форма платья, введенная вопреки уставу, также пугала людей недостаточных» [15].

С согласия нового губернатора А.А. Арцимовича, занявшего этот пост в 1860 г., начальницей женского училища была назначена г-жа Зинова. Н. Фланден после увольнения, не сумев возобновить свой частный пансион в Самаре, переехала в Симбирск. Общеобразовательная женская школа в Самаре, очевидно, выигрывала конкуренцию у частной. В 1860/61 учебном году в училище 1-го разряда обучались 45 учениц [1, с. 91-92].

Со временем все больший интерес к этой школе, преобразованной в женскую гимназию, проявляли девушки из малообеспеченных семей и непривилегированных сословий. Для них среднее школьное образование открывало путь к хорошо оплачиваемой

и престижной работе, а не являлось, как предполагали некоторые инициаторы реформы женской школы в середине XIX в., только средством воспитания просвещенных жен и матерей в высших слоях общества. В 1874/75 учебном году из 182 учениц женской гимназии 62 воспитанницы были освобождены от платы за обучение по бедности родителей или родственников. К 1875 г. две пятых выпускниц Самарской женской гимназии вышли из нее со званиями домашней наставницы или домашней учительницы [1, с. 96]. В конце XIX в. в России женщины уже занимали заметное место среди лиц, работавших в сферах просвещения и здравоохранения, что требовало достаточно высокой образованности и специальной подготовки [11, с. 830].

Появившись в 1850-е гг. и с тех пор непрерывно развиваясь в провинциальной России, средняя женская школа отвечала потребностям местного населения и пользовалась его поддержкой, несмотря на имевшиеся трудности. Внимание государственных и общественных деятелей, благотворителей и рядовых жителей к развитию женского образования вело к глубоким переменам в коллективных представлениях и ожиданиях, а также в социальных практиках. Это приводило к серьезным переменам в обществе, не всегда соответствуя первоначальным намерениям, и отчетливо проявилось уже в новую эпоху, последовавшую за Великими Реформами.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы / сост. П.С. Кабытов. Самара: Кн. изд-во, 1991. 248 с.
2. Артамонова Л.М. Открытие в 1856 году губернской гимназии – первого среднего учебного заведения в Самаре // Самарский край в истории России. Вып. 6. Материалы Межрегион. науч. конф. Самара: СОИКМ, 2017. С. 242-248.
3. Артамонова Л.М. Пансион Нины Фланден в Самаре, губернатор К.К. Грот и провинциальное общество // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 16-29.
4. Бирюкова А.Б. Книга и периодика как элементы социокультурной инфраструктуры городской провинции конца XVIII – середины XIX вв. (по материалам Среднего Поволжья и Заволжья) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2019. С. 280-287.
5. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843 гг.: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу ми-

нистром народного просвещения графом Уваровым). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. [1], 161 с.

6. История Самары (1586–1917 гг.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой; [авт.: Л.М. Артамонова, Е.П. Баринаова, Ю.Н. Смирнов и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 480 с.

7. Киприянова Н.В. Благотворительность как элемент социокультурной характеристики купечества конца XVIII – первой половины XIX вв. // Глобальный научный потенциал. 2015. № 5 (50). С. 41-47.

8. Климкина Э.В. Самарский губернатор Г.С. Аксаков в молодые годы // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2017. С. 409-414.

9. Курмаев М.В. Самарская книга второй половины XIX – начала XX в.: статистический обзор // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1-1. С. 33-40.

10. Миронов Б.Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62-95.

11. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. (2-е изд., исправ.). Т. 1. 896 с.

12. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004.

13. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7203.

14. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7501.

15. Самарские губернские ведомости. 1860. № 28.

16. Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГАКИ, 2014. Ч. 2. С. 145-152.

17. Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2015. Ч. 1. С. 246-253.

18. Смирнов Ю.Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 35-44.

19. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2012. Ч. 1. С. 275-283.

20. Якунин В.Н. Самарская епархия в 1851-1914 гг. // Макарьевские чтения: материалы XIII Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 305-315.